

УДК 343.1

*Л.М. Фетищева**

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ПРАВЕ СОСЛОВНОГО ИНСТИТУТА МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ

В статье обосновывается идея о том, что современный этап правового развития повторяет историю сословного права. В институте уголовно-процессуальных мер пресечения наблюдается тенденция создания специальной процедуры, благоприятной для отдельной категории обвиняемых – предпринимателей. Это связано с общей финансово-экономической, уголовной и уголовно-процессуальной политикой, проводимой государством в наши дни. Автор пытается провести историко-правовые параллели между современными реалиями уголовно-процессуальной политики создания привилегий для определенного социального сословия и теми, что были во времена абсолютной монархии. Исходя из результатов сравнительно-правового анализа, он пытается предугадать перспективу отечественного уголовно-процессуального института мер пресечения.

Ключевые слова: меры пресечения, поручительство, домашний арест, залог, заключение под стражу, политика, сфера предпринимательской деятельности.

Мы живем в эпоху реформирования уголовно-процессуального права. Современникам кажется, что создается нечто новое, но при ближайшем рассмотрении оказывается, что все новое – это хорошо забытое старое. Так и по поводу изменений института уголовно-процессуальных мер пресечения можно сказать, что законодатель проводит сейчас такую уголовно-процессуальную политику противодействия преступлениям, совершенным в сфере предпринимательской деятельности, которая, по его мнению, должна сделать российскую юрисдикцию одной из самых привлекательных в мире для ведения бизнеса [7]. С этой целью он сформировал специализированный институт мер уголовно-процессуального пресечения с более либеральным правовым режимом по сравнению с другими категориями уголовных дел в отношении обвиняемых, подпадающих под статус «предпринимателя», если его преступные действия были совершены в сфере предпринимательской или иной экономической деятельности.

В связи с этим представляет научный интерес поиск исторических аналогов того явления, свидетелем которого мы стали в последнее время: когда уголовно-процессуальная политика открыто и прямо проводилась в интересах привилегированного круга лиц при игнорировании общественного мнения.

Институт мер пресечения России имеет давнюю историю и исследовался в историческом плане такими авторами, как Н.В. Ткачев [11, с. 5] и И.Д. Гайнов [1], П.И. Люблинский [6, с. 64] и др. Очевидно, что одной из первых мер пресечения

* © Фетищева Л.М., 2015

Фетищева Лидия Михайловна (lidiafetisheva@mail.ru), адъюнкт адъюнктуры (докторантуры), Нижегородская академия МВД России, 603950, Российская Федерация, Нижний Новгород, ГСП-268, Анкудиновское шоссе, 3.

было поручительство. Так, Е.В. Салтыков отмечает, что в это время появилось поручительство, которое нашло свое отражение в Двинской уставной грамоте Великого Московского князя Василия Дмитриевича 1398 г., Псковской судной грамоте 1467 г., Новгородской судебной грамоте 1471 г., Белозерской уставной грамоте 1488 г.; Судебнике 1497 г. [10, с. 10]. Н. Ланге [5, с. 124] отмечает, что в ту пору поручительство было двух видов: порука до суда и порука после суда, которые были прописаны в Судебнике 1550 г. В Книге Разбойного Приказа царя Иоанна IV с прибавлениями к ней постановлений царей Федора и Бориса переименовали поручительство, которое выглядело следующим образом: поруку к суду (статная порука) и порука суду, которые применялись как наказание.

Поручительство до суда применялось как первоначальная мера пресечения не только в отношении обвиняемых, живущих в общине, но и вне ее, в том числе в отношении влиятельных лиц, из господствующей элиты. Избиралась она не по инициативе судебных органов, а по челобитной с целью пресечь уклонение от судебного разбирательства. К этой мере относились очень серьезно, ведь за явку обвиняемого на суд поручители ручались «головой» [3, с. 32]. Можно предположить, что существовала и более строгая мера пресечения, которую мы бы назвали заключением под стражу, но, как ни странно, старинный законодатель не предусмотрел специальных норм для ее регулирования: они, очевидно, составляли обычное право. Как указывает автор Е.В. Салтыков: «Вплоть до Соборного Уложения 1649 г. применялось две меры пресечения: тюремное заключение и поручительство» [10, с. 12]. Однако это неоспорно, так как тюремное заключение применялось только в отношении тех лиц, дела которых уже были рассмотрены, а они сами подлежали тюремному заключению на какой-то определенный срок или на всю жизнь. Таким образом, эта мера представляла собой скорее наказание, а не меру, которая должна пресекать действия обвиняемого, направленные на противодействие следствию. Как отмечает Н. Ланге, до суда к обвиняемому, совершившему важные преступления, применялась такая мера пресечения, как отдача приставам, а после суда и вынесения приговора, тюремное заключение [5, с. 131–132].

«Отдача за пристава» стала прародителем такой меры пресечения, как домашний арест. Как пишет Н. Ланге, она была закреплена в следующих источниках: Двинская уставная грамота Великого Московского князя Василия Дмитриевича 1398 г., Белозерская уставная грамота 1488 г. и Судебник 1550 г. Из них следует, что данная мера применялась в отсутствие поручителей и продолжалось, пока обвиняемого не отдадут истцу или он не возместит причиненный ущерб (правеж). Мера пресечения – отдача за пристава заключалась в том, что лица, совершившие различные преступления, передавались на руки приставу, недельщику или доводчику – таким образом эти лица подвергались аресту. Приставы уводили этих лиц к себе домой и могли арестованных даже заковать [5, с. 130–131].

При Петре I начинается глобальная реформация всех сфер общественных отношений и законодательства. Меняется и набор мер пресечения: была отменена такая мера пресечения, как отдача за пристава. Для нас представляет интерес несколько мер пресечения, которые в первую очередь относятся к нашему вопросу: подписка о невыезде; отобрание паспорта; домашний арест; арест; заключение в тюрьму [10, с. 13]. Отметим, что они еще не отделены вполне от уголовного наказания. Как отмечал И. Тарасов: «Все эти разнообразные меры личного задержания применялись преимущественно ради целей полицейских; но они применялись также и для целей юстиции, так что в памятниках законодательства в течение описываемой эпохи все переходные ступени от собственно-полицейского личного задержания, применяемого исключительно только по поводу опасности ради устранения ее, независимо от совер-

шения арестуемым какого-либо преступления и проступка, к личному задержанию собственно-судебному, применяемому как мера пресечения обвиняемому способов уклоняться от следствия и суда или же как наказание за совершенные преступления и проступки» [12, с. 28–29]. Изложенное позволяет сделать вывод о том, что в начале XVIII века на законодательном уровне меры пресечения еще не отделены от наказания и не дифференцированы по субъектам применения.

Существенная реформа мер пресечения была осуществлена в период царствования Екатериной II, которая Наказом от 30 июля 1767 г., а затем и Уставом Благочиния 1782 г. изменила практику их применения. В этих нормативных актах впервые установлена возможность изменения меры пресечения в виде заключения под стражу на более мягкую. Екатерина II заимствовала эту идею из трактата итальянского правоведа Чезаре Беккариа «О преступлениях и наказаниях» от 1764 г. [19], который проповедовал гуманистические взгляды и не был сторонником пыток, жестоких наказаний и феодального инквизиционного процесса.

Самое же главное состоит в том, что Екатерина II проводила гуманизацию мер пресечения на строго сословной основе, то есть в пользу дворянства. Это самый яркий пример открытого благоволения законодателя к привилегированному сословию. Однако отсутствие четкой системы мер пресечения и оснований их применения не позволяет говорить об институциональной обособленности данного вида мер уголовного принуждения.

При Николае I, который ввел в действие Свод законов 1832 г. [9], меры пресечения принимают свое уголовно-процессуальное назначение. В статье 876 тома XV перечень мер пресечения выглядел следующим образом: содержание в тюрьме и при полиции; домашний арест; полицейский надзор; отдача на поруки. При избрании этих мер пресечения учитывались не только улики и тяжесть обвинения, но и классовая принадлежность обвиняемого. Самой распространенной мерой пресечения было содержание под стражей. Не утратили своей актуальности и такие меры пресечения, как поручительство и отдача на поруки. В это время люди стали зарабатывать на такой мере пресечения, как поручительство, поручаясь за обвиняемого в процессе уголовного разбирательства за денежное вознаграждение. Крайне редко применялся домашний арест, суть которого заключалась в том, что полицейские или жандармы находились в доме арестованного, осуществляя за ним должный контроль. Эта мера пресечения применялась только в отношении представителей аристократии и высшего чиновничества. На наш взгляд, создание специального, сословного института мер пресечения обусловлено тем, что в конце XVII – середине XIX в. дворянство составляло социально-экономическую основу самодержавной власти монарха.

Со второй половины XIX в. дворянство в значительной степени уступило свои социально-экономические позиции буржуазии, что обусловило проведение комплекса либеральных реформ Александра II. Одной из указанных реформ стала судебная реформа. В 1860 г. меры пресечения передавались в компетенцию нововведенных судебных следователей, а полиция могла применять только краткосрочное задержание [13]. По Уставу уголовного судопроизводства 1864 г. утвержден институт мер пресечения, которые получили строгую систему: 1) отобрание вида на жительство, или обязательство их подпискою о явке к следствию и неотлучке с места жительства; 2) отдача под особый надзор полиции; 3) отдача на поруки; 4) взятие залога; 5) домашний арест; 6) взятие под стражу [10, с. 13].

Наиболее значимым для нас в указанной реформе является то обстоятельство, что институт мер пресечения обособился от института уголовных наказаний. Кроме того, в отличие от реформы Екатерины II, сословная составляющая основания избрания мер пресечения значительно сократилась. Она заключалась в предпочтительном из-

брании для дворян домашнего ареста. Однако эта практика прямо не предписывалась законом. Формально все стали равны перед законом и судом. В таком виде система мер пресечения просуществовала до прихода к власти коммунистов.

Советская власть реформировала доставшийся ей правовой механизм мер уголовно-процессуального пресечения [2; 8; 14]. Советское законодательство формально не внесло существенных изменений в анализируемый нами правовой институт. Однако в практике советской юстиции с 20-х по 50-е гг. XX в. наблюдается некоторый возврат принципам, существовавшим до буржуазных реформ Александра II. Так, Нарком юстиции Н.В. Крыленко всячески принижал значение процессуальной формы. По его мнению, «фетишизм буквы» способен «только родить мертвечину, схоластику, своеобразное юридическое буквоедство» [4, с. 1332–1333]. Основными источниками права стали здравый смысл и правильно выраженное классовое чутье» [4, с. 1332–1333]. Иными словами, проповедовалось классовое превосходство пролетариата, что на практике приводило, мягко говоря, к перегибам в принуждении классово чуждых элементов.

Наиболее значительные изменения в институте мер пресечения произошли в 1960 году, когда вступил в силу УПК РСФСР [15], который существовал вплоть до введения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [16]. УПК РСФСР 1960 г. стал предтечей ныне действующего УПК РФ (который мы считаем образцом права «переходного периода») и ввел не только новых должностных лиц, которые принимали решение об избрании меры пресечения, но и новые меры пресечения, а также установил основания применения мер пресечения и обстоятельства, которые должны учитываться в процессе избрания меры пресечения.

Не изменились такие меры пресечения, как заключение под стражу, залог и подписка о невыезде. УПК РСФСР 1960 г. упразднил меру пресечения в виде домашнего ареста и изменил поручительство. Так как в советское время возросло доверие и моральное влияние общественных организаций на поступки людей, поручительство разделили на две части: личное поручительство и поручительство общественного объединения. Еще УПК РСФСР ввел такие меры пресечения, как наблюдение командования воинских частей за военнослужащими и отдача под присмотр несовершеннолетних. Однако отдача под присмотр несовершеннолетних, не была прописана как отдельная мера пресечения, о ней была только оговорка законодателя в статье 89 УПК РСФСР. Помимо этого, нововведением стал срок предъявления обвинения подозреваемому в случае избрания в отношении него меры пресечения. Помимо того что мера пресечения избиралась в отношении подозреваемого в исключительных случаях, ему должно было быть предъявлено обвинение не позднее 10 суток с момента принятия решения об избрании меры пресечения.

Из всего сказанного можно сделать вывод, что на протяжении всего исторического периода России меры процессуального пресечения изменялись и развивались с учетом политического, экономического статуса подозреваемого и обвиняемого. Были прецеденты введения или изменения мер пресечения специально для привилегированного круга людей (введение домашнего ареста и во время правления Екатерины II). Советская власть, стремясь к ликвидации классовых различий, проводила политику уравнивания мер пресечения (был даже упразднен домашний арест как мера пресечения для привилегированных).

В связи с распадом СССР вновь обострилась политическая и социальная обстановка в стране. В связи с этим изменилась и уголовно-процессуальная политика применения мер принуждения. Правовой основой ее стал УПК РФ, внесший следующие изменения в институт мер пресечения.

1. Они стали входить в систему мер принуждения наряду с задержанием и иными мерами процессуального принуждения.

2. Введены домашний арест и присмотр за несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым.

3. Отменено поручительство общественных объединений.

4. Срок предъявления обвинения в отношении подозреваемого, к которому применили меру пресечения, стал исчисляться не только с момента применения меры или с момента задержания лица.

5. В основаниях применения мер пресечения прекратило свое действие понятие «установление истины по уголовному делу».

С 2009 года начался качественно новый этап в уголовно-процессуальной политике применения мер пресечения. Он проявился в либерализации правового режима мер пресечения в отношении обвиняемых-«предпринимателей». Так, Федеральным законом от 29.12.2009 г. № 383-ФЗ в статью 108 УПК РФ введена новая часть 1.1, согласно которой в отношении лица, совершившего преступление в сфере предпринимательской деятельности (предусмотренного статьями 159–159.6, 160, 165, 171–174.1, 176–178, 180–183, 185–185.4, 190–199.2 УК РФ), не может применяться мера пресечения в виде заключения под стражу, если не имеются обстоятельства, прописанные в пункте 1–4 части указанной статьи. Такая поправка была направлена на то, что предприниматель не сидел в тюрьме до суда, а работал на благо российской экономики, платил налоги и пр. Поэтому приоритетными мерами пресечения в отношении лиц, совершивших преступления в сфере предпринимательской деятельности, стали домашний арест [17, с. 137–144], залог [18, с. 353–356] и подписка о невыезде. При этом презюмировалось, что предприниматели, нарушившие уголовный закон, — это не обычные уголовные преступники, а особо нуждающиеся в защите государства.

Очевидно, можно сделать следующие выводы. Исторически институт уголовно-процессуального пресечения происходит от карательной власти государства и находится в тесной связи с уголовно-правовой регламентацией преступлений и наказаний. Становление современной системы мер пресечения прошло длительную эволюцию, в ходе которой они в значительной степени обуславливались политической конъюнктурой, т. е. усмотрением правящего класса относительно того, как надо обеспечивать защиту прав подозреваемых и обвиняемых: с учетом их социально-экономического и классового положения или без.

В настоящее время в Российской Федерации существует тенденция гуманизации и либерализации уголовно-процессуального законодательства, которая выражается в том числе во введении *de facto* привилегированного участника — субъекта, осуществляющего предпринимательскую деятельность. Создан весьма своеобразный правовой механизм применения мер пресечения по уголовным делам в отношении «предпринимателей». В связи с новой уголовно-процессуальной политикой законодатель негласно ввел нового участника уголовно-процессуальных правоотношений — «предпринимателя». Для лиц, совершивших преступления в «сфере предпринимательской деятельности», избраны более мягкие меры пресечения, такие как залог и домашний арест, которые не лишают, а ограничивают имущественные права и личную свободу такого лица с целью дальнейшей работы предпринимателя на благо экономического положения страны. Заключение под стражу становится исключительной мерой пресечения для лиц со статусом «предприниматель».

Библиографический список

1. Гайнов И.Д. История становления и развития мер уголовно-процессуального принуждения в России (13–19 века) // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2012. № 4.

2. Декрет о суде от 24 ноября 1917 г. № 1 // Газета Временного Рабочего и Крестьянского Правительства. 1917. 24 ноября
3. Кистяковский А.Ф. О пресечении обвиняемому способов уклоняться от следствия и суда. СПб., 1868.
4. Крыленко Н.В. На рубеже // Еженедельник советской юстиции. 1927. № 43.
5. Ланге Н. Древнее русское уголовное судопроизводство (XIV, XV, XVI и первой половины XVII в.). СПб., 1884.
6. Люблинский П.И. Свобода личности в уголовном процессе. СПб., 1906.
7. Обращение В.В. Путина на ежегодном съезде Российского союза промышленников и предпринимателей от 20 марта 2014 года. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/20618>.
8. Положение о военных следователях от 30 сентября 1919 года // История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу и организации суда и прокуратуры. Сборник документов. М., 1955.
9. Российское законодательство X–XX веков. Т. 8. Судебная реформа. М.: Юр. лит., 1991. С. 307
10. Салтыков Е.В. Домашний арест в российском уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2007.
11. Ткачева Н.В. Меры пресечения, не связанные с заключением под стражу, в уголовном процессе России: монография / науч. ред. А.В. Кудрявцева. Челябинск, 2004.
12. Тарасов И. Личное задержание как полицейская мера безопасности. Ярославль, 1886. Ч. 2.
13. Указ Императора Александра II Правительствующему сенату от 8 июня 1860 г. «Утверждение судебных следователей».
14. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР от 15 февраля 1923 г. ст. 156.
15. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР от 27 октября 1960 года // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40.
16. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 18 декабря 2001 года № 174-ФЗ // Российская газета. 2001. 22 дек.
17. Фетищева Л.М., Колоскова С.В. Применение домашнего ареста в качестве меры пресечения в уголовном судопроизводстве России // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2013. № 3 (26).
18. Фетищева Л.М. Законодательное регулирование и практика применения залога в качестве меры пресечения в уголовном процессе // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. № 1 (29).
19. URL: http://krotov.info/library/02_b/ek/karia2.html.

References

1. Gainov I.D. History of formation and development of measures of criminal procedure compulsion in Russia (13-19 centuries). *Vestnik Kazanskogo iuridicheskogo instituta MVD Rossii* [Vestnik of Kazan Law Institute of the Russian Interior Ministry], 2012, no. 4 [in Russian].
2. Decree on the court dated November 24, 1917 number 1. *Gazeta Vremennogo Rabocheho i Krest'ianskogo Pravitel'stva* [Newspaper of the Provisional Workers' – Peasants' Government]. 1917, November 24 [in Russian].
3. Kistyakovsky A.F. On the way to the suppression of the accused to evade investigation and trial. SPb., 1868 [in Russian].
4. Krilenko N.V. At the turn. [Weekly paper of Soviet justice], 1927, no. 43 [in Russian].
5. Lange N. Ancient Russian criminal proceedings (XIV, XV, XVI and the first half of the XVII century). SPb., 1884 [in Russian].
6. Lublinsky P.I. Freedom of a person in criminal proceedings. SPb., 1906 [in Russian].
7. Address of V.V. Putin at the annual congress of the Russian Union of Industrialists and Entrepreneurs on 20 March, 2014. Retrieved from: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/20618> [in Russian].
8. Regulations on Military investigators dated September 30, 1919 in *History of the USSR and RSFSR legislation on criminal procedure and organization of the court and prosecutors. Collection of documents*. М., 1955 [in Russian].

9. Russian legislation of the X–XX centuries. Vol.8. Judicial reform. M., Iurid. lit., 1991, p. 307 [in Russian].
10. Saltykov E.V. *Domashnii arest v rossiiskom ugolovnom protsesse: diss. ... kand. iurid. nauk* [House arrest in the Russian criminal trial: Candidate's of Law thesis]. Ekaterinburg, 2007 [in Russian].
11. Tkacheva N.V. Preventive measures unrelated to the confinement in the criminal trial of Russia: monograph. A.V. Kudryavtseva (Ed.). Chelyabinsk, 2004 [in Russian].
12. Tarasov I. Private detention as a police security measure. Yaroslavl', 1886, Part 2 [in Russian].
13. Decree of Emperor Alexander II to the Governing Senate dated 8 June, 1860 «Approval of court investigators» [in Russian].
14. Criminal Procedure Code of the RSFSR dated February 15, 1923 Article 156 [in Russian].
15. Criminal Procedure Code of the RSFSR dated October 27, 1960. *Vedomosti VS RSFSR* [Sheets of the Supreme Court of RSFSR], 1960, no. 40 [in Russian].
16. Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Federal law dated 18 December, 2001 № 174-FZ. *Rossiiskaia gazeta*, 2001, December 22 [in Russian].
17. Koloskova S.V., Fetishcheva L.M. Use of house arrest as a preventive measure in the criminal trial of Russia. *Iuridicheskaiia nauka i pravookhranitel'naia praktika* [Juridical science and law enforcement practice], 2013, no. 3(26) [in Russian].
18. Fetishcheva L.M. Legislative regulation and practice in the application of a pledge as a preventive measure in criminal proceedings. *Iuridicheskaiia nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii* [Legal Science and Practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Interior of Russia], 2015, no. 1(29) [in Russian].
19. Retrieved from: http://krotov.info/library/02_b/ek/karia2.html [in Russian].

*L.M. Fetishcheva**

HISTORICAL PREREQUISITES FOR THE FORMATION IN THE DOMESTIC CRIMINAL PROCEDURE LAW OF A STATE INSTITUTE OF PREVENTIVE MEASURES

The article substantiates the idea that the current stage of legal development follows the story of class rights. In the institute of criminally-remedial preventive measures there is a tendency to establish a special procedure that is conducive to a separate category of the accused-entrepreneurs. This is due to the general financial and economic, criminal and criminally-remedial policy pursued by the government today. The author tries to draw historical and legal parallels between the modern realities of criminal procedure policy establishment in the form of privileges for certain social class, with those that were in the days of absolute monarchy. Based on the results of comparative legal analysis, he is trying to predict the prospects of domestic criminal procedure law of an institute of preventive measures.

Key words: preventive measures, bail, house arrest, bail, detention, policy, business area.

* *Fetishcheva Lidia Mikhailovna* (lidiafetisheva@mail.ru), junior scientific assistant of postgraduate studies in a military college, Nizhniy Novgorod academy of the Ministry of the Interior of Russia, 3, Ankundinovskoe route, Nizhny Novgorod, 603950, Russian Federation.